

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ МЕСТОИМЕНИЙ 1-ГО ЛИЦА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Местоимения представляют собой очень богатый в прагматическом отношении класс слов. По мнению Дж. Юла (G. Yule), именно простота формы местоимений маскирует сложность их использования [3, с. 10]. Мы предлагаем рассмотреть некоторые прагматические аспекты употребления личных и притяжательных местоимений 1-го лица на материале двух последних ежегодных посланий президента США Конгрессу *State of the Union Addresses* (Barack Obama, 24.02.2009, 27.01.2010).

Местоимение 1-го лица единственного числа выступает, в первую очередь, как средство идентификации говорящего, однако оно также важно в психологическом и аксиологическом плане. Так, например, заменяя «я» на субстантивную номинацию, говорящий старается вербально подчеркнуть (и повысить) свое социальное положение [1, с. 49]:

Our Constitution declares that from time to time, the President shall give Congress information about the state of our union. For 220 years, our leaders have fulfilled this duty (2010).

Использование личного местоимения 1-го лица единственного числа в роли подлежащего может говорить о позиционировании говорящим себя над аудиторией, демонстрации более высокого социального статуса или присвоении себе права отдавать приказы и навязывать свои оценки:

As soon as I took office, I asked this Congress to send me a recovery plan [...]. Not because I believe in bigger government – I don't. Not because I'm not mindful of the massive debt we've inherited – I am. (2009).

I've proposed a fee on the biggest banks [...]. Now, as we stabilized the financial system, we also took steps to get our economy growing again [...] (2010).

Смена в местоимении, которую мы наблюдаем в последнем примере, должна продемонстрировать, что личная инициатива расширилась до социального движения. Однако, как указывает Н. Фэрклоу (N. Faiclough), при употреблении местоимения 1-го лица множественного числа никогда не ясно, кто же именно входит в это «мы» [2, с. 164].

Местоимение 1-го лица множественного числа служит целям психологического сближения говорящего со слушающим. В рамках политического дискурса использование «мы» часто несет в себе «презумпцию включенности в коллектив», благодаря чему человек ощущает себя частицей некоего изначального социума [1, с.60]:

And despite all our divisions and disagreements, our hesitations and our fears, America prevailed because we chose to move forward as one nation, as one people (2010).

«Мы» – одно из самых богатых в прагматическом отношении личных местоимений. Важную роль в этом играет тот факт, что в английском языке семантическое различие между «мы» инклюзивным и «мы» эксклюзивным скрыто. Неопределенность второй составляющей «мы» («я» + «кто-то другой») в речи часто является причиной манипуляций.

В рамках проанализированных выступлений можно выделить, по меньшей мере, три разновидности «мы»:

1) Мы = я (президент) и администрация:

So I supported the last administration's efforts to create the financial rescue program. And when we took that program over, we made it more transparent and more accountable (2010);

2) Мы = все присутствующие:

That's why, as we meet here tonight, over 10,000 Americans are working with many nations to help the people of Haiti recover and rebuild (2010);

3) Мы = все американцы:

Those qualities that have made America the greatest force of progress and prosperity in human history we still possess in ample measure (2009).

Переход между этими разновидностями «мы» маркирован лишь в незначительном количестве случаев, а потому задача определения того, кого подразумевает местоимение, ложится на плечи самого адресата.

Мы не претендуем на полноту описания всех прагматических аспектов употребления личных и притяжательных местоимений 1-го лица. Однако анализ данного материала уже позволяет сделать вывод об их прагматической значимости в политическом дискурсе.

Литература:

2009 – <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=85753>

2010 – <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=87433>

1. *Норман, Б.Ю.* Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков): курс лекций. – Мн.: БГУ, 2009. – 183 с.

2. *Fairclough, N.* *New Labour, New Language?* – London and New York: Routledge, 2000. – 178 p.

3. *Yule, G.* *Pragmatics.* – London: Oxford University Press, 1996. – 138 p.